

Эйхгольц Мария Викторовна

аспирант кафедры онтологии
и теории познания
Воронежского государственного университета
dom-hors@mail.ru

ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВЫХ ОСНОВАНИЙ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОСТЬ И КОММУНИТАРНОСТЬ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению проблемы смысловых оснований общества, получившей особую актуальность в XX в. Настоящее исследование показывает, что для нормального функционирования общества социальные отношения должны дополняться коммунитарными, которые основаны на неутилитарной смысловой сопричастности членов общества.

Ключевые слова:

социальность, социальные отношения, смысловая связь, коммунитарность, общество, сообщество, сопричастность, отчуждение.

Eykhgolts Maria Viktorovna

PhD student of the Ontology
and Cognition Theory Department,
Voronezh State University
dom-hors@mail.ru

CONCEPTUAL BASES OF THE SOCIETY: SOCIALITY AND COMMUNITARITY

Summary:

The article is concerned with an issue of the society's conceptual bases that got especially relevant in the 20th century. The undertaken research shows that for normal functioning of the society the social relations should be supplemented with communitary ones, which are based upon the non-utilitarian conceptual involvement of the society members.

Keywords:

sociality, social relations, semantic relation, communitarity, society, community, participation, alienation.

Преобладающей точкой зрения является взгляд на социальность как феномен, который получает свое определение в контексте противопоставления общества и природы. В этом контексте социальность есть качество, конституирующее собственно человеческие сообщества, в отличие от сообществ животных. Правда, в биологической литературе мы нередко видим попытки сгладить различие общественного и природного: социальными здесь оказываются порядки в колонии сурикатов, львином прайде, слоновьем стаде и т.д. Эта точка зрения не получила широкого распространения в гуманитарном сообществе, во многом в силу ее прямолинейного редукционизма. В самом деле, было бы явным упрощением считать «социальной» всякую организацию, объединяющую индивидов в единое целое, невзирая на специфику этих индивидов и характер самих отношений. Однако то, что при анализе живой природы видится как упрощение, оказывается фактическим стандартом в исследовании человеческих сообществ. Так, если мы выделяем отношения, объединяющие индивидов в некую общественно значимую группу, то, не задумываясь, называем эти отношения «социальными». Подобная позиция имеет свои истоки в работах К. Маркса и М. Вебера. «Социальным „отношением“, – пишет Вебер, – мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это» [1, с. 630]. Насколько справедлив подобный подход? Иными словами, мы хотим поставить вопрос о различении общественного и социального.

Наиболее последовательной и влиятельной в этом аспекте оказалась концепция К. Маркса. Маркс исходит из того, что, вступая в социальные отношения, человек тем самым выделяется из мира природы. Социальные отношения, таким образом, противопоставляются «природным», «естественным». В полном соответствии с европейской рационалистической традицией сутью общества как такового оказывается сугубо функциональная связь, которая предстает как рациональный порядок, формирующий из людей собственно *общественных* существ.

Если считать социальность единственной конституирующей основой человеческих сообществ, то придется согласиться с тем, что весь смысловой мир человеческого бытия представляет собой не более чем эпифеномен (в терминологии Маркса – надстройка, отражение) базисной «функционально-производственной» социальности. Насколько это соответствует той реальности совместного бытия людей?

Вчитываясь в культурологические исследования форм совместного существования людей, мы видим, какое огромное значение могут иметь феномены, не имеющие прямого отношения к трудовой деятельности и необъяснимые с точки зрения производственной функциональности. В качестве примера можно указать на исследования Л. Леви-Брюля.

Леви-Брюль показывает, что главной силой, управляющей жизнью первобытного общества, является принцип партиципации (сопричастности), согласно которому в жизни первобытной общины главную роль играет интенсивно переживаемая телесно-духовная связь. Мистическая сопричастность непосредственно связывает человека с природой и другими людьми – членами общины. Благодаря этой живой связи первобытный человек ощущает себя органической частью своего рода. И это переживание связывает членов одного племени гораздо сильнее, чем сугубо практическая необходимость. В первобытном сознании «...теснейшим образом перемешиваются страх, надежда, религиозный ужас, пламенное желание и острая потребность слиться воедино с "общим началом", страстный призыв к охраняющей силе» [2, с. 28]. Таким образом, основания первобытного общества не могут быть раскрыты лишь в терминах социальных (и в том числе – производственных) отношений. Однако возникает вопрос о том, как обстоит дело на следующих ступенях общественного развития. Можно ли здесь говорить об общественнообразующей роли «органической» смысловой связи?

Одним из первых знаковых шагов в этом направлении стала работа И. Бахофена «Материнское право». Бахофен выделяет и анализирует категории «отцовского права» и «материнского права» как два различных принципа возникновения и становления первых человеческих сообществ. Для объяснения сути отцовского права Бахофен проводит сопоставление с чисто родовыми отношениями. Любовь ребенка к отцу не является естественной, данной от природы и требует дополнительных обоснований. Соответственно, сообщества, в основании которых лежит отцовское право, выстроены по принципу функциональных отношений совместного бытия. Однако наряду с отцовским правом существует также гораздо более древнее материнское право. Именно здесь становится очевидным новаторство Бахофена. Он указывает, что задолго до возникновения обществ, базирующихся на отцовском праве, существовал другой тип общественной связи, основанной на принципе естественной, ничем не опосредованной материнской любви. «Тем исходным отношением, с которым человечество впервые дорастает до цивилизации, которое составляет исходный пункт для развития всякой добродетели, для формирования любого благородного проявления жизни, является волшебство материнства, которое среди исполненной насилия жизни действует как божественный принцип любви, единения и мира... Отсюда и начинается рост всякой цивилизации...» [3, с. 231]. Материнское право во главу угла ставит принцип естественного родства и нерифлексируемой душевно переживаемой смысловой сопричастности. Здесь люди изначально связаны некими предданными сокровенными узами и, как следствие, не отчуждены друг от друга.

Возможно, в историческом аспекте исследование Бахофена имеет ряд спорных моментов. Однако в контексте данной статьи для нас важна попытка обоснования не сводимых к объективной необходимости детерминант общественного бытия. Тем самым Бахофен намечает общие контуры системообразующей смысловой доминанты, которая конституирует общество наряду с чисто социальным порядком. Что касается социальной, то она предстает у Бахофена как принцип объединения индивидов, выделившихся из бессознательной слитности с органической целостностью и автономизировавшихся от нее. Такое объединение имеет функционально-рационализируемый характер, а отношения внутри него являются анонимными и отчужденными по сравнению с живой эмоциональной связью в рамках материнского права.

Следующий шаг к прояснению несоциальных конституирующих отношений делает Ф. Теннис. Ему принадлежит идея категориального различения двух типов конституитивных отношений – *общественного* и *общностного* [4, с. 5]. Как и Бахофен, Теннис задается вопросом о действующих в обществе силах, благодаря которым возможно само его существование. Теннис приходит к выводу, что собственно общественная связь (которую мы в данной работе называем социальной) не является достаточным основанием для объединения людей в стабильно функционирующую систему, здесь действует принципиально иной тип единства. Однако, в отличие от Бахофена, Теннис обнаруживает этот особый тип связи не только в доисторическом прошлом человечества. Типология, предложенная Теннисом, раскрывает *двухмерность*, присущую каждому конкретному типу общества.

Исходным пунктом указанной концепции является разделение двух видов воли, осуществляемой человеком в совместной жизни с другими людьми: сущностной и избирательной. Сущностная воля коренится в традиции, в некритическом восприятии форм мышления и действия в процессе культурной трансляции, протекающем преимущественно в семье. Поскольку данный тип воли действует в человеке исподволь, неосознанно, то существенной его характеристикой является «естественность», понимаемая как преданность. Сущностной воле Теннис противопоставляет волю избирательную: «...в своих простейших формах сущностная воля есть лишь непосредственное, страстное и одновременно наивное воление и деяние; для избирательной воли, наоборот, чаще всего характерно сознание» [5, с. 217]. То есть, под избиратель-

ной волей подразумевается воля осознанная, рациональная, руководствующаяся личной выгодой. Именно такая воля – вспомним Гоббса и Локка – вместе с «естественным разумом» является основой для единства по типу общественного договора.

На основании сделанного им различения Теннис выделяет два типа отношений, или, в терминологии автора, «связанностей», конституирующих общественное целое. «...Все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (Gemeinschaft), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ею обусловлены, – обществом (Gesellschaft)...» [6, с. 219]. Описанные два типа отношений имеют различные корни, поэтому Теннис анализирует эти отношения, не ставя ни один из них в зависимость от другого.

Общностные отношения представляются членам сообществ данного типа естественными, предшествующими своим субъектам, и потому само собой разумеющимися и не нуждающимися в дополнительном обосновании в виде формального договора. Связующим элементом здесь является нерациональная традиция. Типичным примером и ближайшей аналогией общностных отношений является семья.

Общественная связанность, напротив, предполагает отчужденность своих членов. «В чистом и абстрактном договорном отношении те, кто заключает договор, мыслятся, наоборот, как разобщенные личности, которые до этого и сейчас во всем остальном друг от друга не зависели и не зависят, совершенно друг другу чужие» [7, с. 222]. *Общественные* отношения анонимны и закреплены специально установленными и официально документированными правилами. В зависимости от доминирования того или иного типа связанности определяется специфика каждого конкретного общества.

Таким образом, Теннис осуществляет попытку содержательно и категориально вычленив специфику *общественности (социальности)* в контексте противопоставления ее *общности (общинности)*.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что социальность не тождественна любому человеческому единству, она обладает весьма специфической определенностью. Основными чертами социальных отношений являются функциональность, приводящая к рационализации, обезличиванию, и в конечном счете – отчужденности от человеческого бытия. Далеко не каждое человеческое объединение можно описать только в терминах социальности. Кроме социальных отношений в обществе существуют также отношения, истоком которых является нерациональная причастность, глубинная смысловая общность, предшествующая собственно социальному разделению. Поскольку для обозначения этих отношений в русскоязычной литературе не выработано единого обозначения, мы считаем целесообразным ввести для них название «коммунитарные отношения». Что касается термина «общность», то в русском языке он имеет слишком широкое значение, а «общинность» несет на себе ряд архаических коннотаций. Термин «коммунитарность» подчеркивает момент непосредственного единства, который отсутствует в социальности и вместе с тем соответствует современному лексическим контекстам.

Вопрос о роли коммунитарных отношений возник в истории философской мысли довольно поздно, поскольку европейская рационалистическая традиция придавала значение только функциональным и в первую очередь – «договорным» отношениям.

Актуальность обсуждаемой темы неразрывно связана со спецификой современной социальной ситуации. С ростом научно-технического прогресса в обществе со всей силой обнаруживает себя феномен отчуждения, неразрывно связанный с преобладанием отношений по типу социальности. Порожденное этим феноменом чувство одиночества и покинутости рождает потребность в *новой коммунитарности*, позволяющей человеку ощутить живую неутилитарную причастность к другим людям и всему человечеству в целом.

Кризис идеалов всеобщей стандартизации и унификации, стремление к оригинальности и самобытности нередко трактуются как торжество индивидуализма. Но такое понимание во многом является результатом отождествления общественности и социальности: отказ от существующих норм понимается как разрыв человека с общественным единством. Если же рассматривать данную проблему в контексте разделения социальности и коммунитарности, становится очевидным, что современный человек нуждается не в одиночестве, а напротив – в новой общественности, которая дает чувство причастности к некоему смысловому пространству, связывающему различных людей в единое целое. Именно поэтому теоретики постиндустриальности видят новое общество не только функциональным, но и в первую очередь гармоничным, соразмерным человеку.

Резюмируя вышесказанное, можно выдвинуть следующую идею. Какие бы ценности ни диктовала эпоха, тяга к коммунитарности никогда не уходила из человеческого сознания. Обезличенные социальные отношения завоевывают все большее пространство в жизни чело-

века, что порождает в нем чувство потерянности и подавленности. Описывая этот феномен, В. Беккер утверждает, что эта «тоска по гармонии всегда означает тоску по доминированию общественного над общественным» [8]. Именно поэтому сегодня так актуальна тема общества, ориентированного на человека, или, в терминологии В. Г. Федотовой, «хорошего общества» [9]. С точки зрения логики данной работы, хорошее общество предполагает *взаимодополнительность* социальной и коммунитарной связи. Таким образом, сама современность сегодня ставит вопрос о роли коммунитарности в структуре общества, а также о соотношении социальных и коммунитарных отношений.

Ссылки:

1. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
2. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1994.
3. Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения: антология. М., 1996.
4. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
5. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
6. Там же.
7. Там же.
8. Беккер В. Сообщество и общество. 1995. URL: <http://www.portalus.ru> (дата обращения: 20.08.2012).
9. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

References (transliterated):

1. Veber M. Osnovnie sotsiologicheskie ponyatiya // M. Veber. Izbrannie proizvedeniya. M., 1990.
2. Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
3. Bakhofen I. Materinskoe pravo // Klassiki mirovogo religiovedeniya: antologiya. M., 1996.
4. Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo: Osnovnie ponyatiya chistoy sotsiologii. SPb., 2002.
5. Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. № 3/4.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Bekker V. Soobshchestvo i obshchestvo. 1995. URL: <http://www.portalus.ru> (date of access: 20.08.2012).
9. Fedotova V.G. Khoroshee obshchestvo. M., 2005.